

говорить ему: „Я все-таки люблю тебя, не могу жить безъ тебя... За что? За что?... если ты уйдешь, я уйду съ тобой; а если не съ тобой, то уйду подъ тотъ поѣздъ, на которомъ ты поѣдешь... Боже мой, Боже мой! какое мученье! За что? за что?... не долго намъ жить осталось; не будемъ портить послѣ двадцативосьмилѣтней жизни; ну, я не буду дѣлать вечеровъ, но не наказывай меня“,—когда звучитъ этотъ искренній, трогательный голосъ женщины и жизни, то невольно спрашиваешь себя, жизненъ ли и человѣченъ ли Николай Ивановичъ? и невольно смотришь на него холодными глазами отчужденности и недоумѣнія... Воплощенная правда, Толстой сказалъ правду и о толстовцѣ. Онъ не только выслушалъ другую сторону, но и на себя посмотрѣль со стороны. Онъ тогда увидѣлъ сложность и запутанность того узла, который тщетно пытались развязать его идеи, его теоріи, и онъ самъ тогда въ характеризующей ремаркѣ написалъ про одного будущаго толстовца: „энергическій, тихій и логически-прямолинейный“. Геометрія жизни не чертится прямыми линіями: художникъ-Толстой зналъ это и показалъ геніальнѣе всѣхъ. Даже до такой степени безпощаденъ въ своей правдивости Толстой, что и смѣшиное обнаружилъ онъ въ Сарынцовѣ (его демонстративныя рукопожатія лакеямъ, въ сущности для лакеевъ такія оскорбительныя) и заставилъ его выслушать отъ искренне возмущенной княгини Чемершановой горькія слова: „Вы здѣсь притворяе-